

Босые ноги на снегу совершенно не мёрзли. Я с удивлением разглядывал свои стопы, понимая, что нахожусь раздетым на улице уже больше часа. Исходившее от тела тепло преломляло свет, подобно воздуху над раскалённым от летнего солнца асфальтом загородной трассы. «Окунёво», – подумал я, и поле зрения незамедлительно заполнилось знакомыми избушками, перспективой улицы и стоящей невдалеке водокачкой. К ней я направился, чтобы попить чистой воды из местной скважины. Вода была ледяная и обжигала тело холодными брызгами, ноги прилипали ко льду, я чувствовал, как остываю. «Надо пробежаться», – мелькнуло в голове, и я побежал. Пробежал мимо «Белого дома»

(сувенирная лавка), свернул налево, чтобы попасть на параллельную улицу и по ней уже бежать до «Прометей» (магазин на въезде в деревню). Тело снова наполнялось жаром. Я не оборачивался, но чувствовал, что оставляю за собой шлейф тёплого воздуха, в котором причудливыми волнами танцевал дневной свет.

Людей не встречалось, поэтому я полностью погрузился в любование пейзажами зимней деревушки. Поленицы у домов были накрыты незакопчёнными белоснежными шапками. Снег везде был настолько чистым и рассыпчатым, что его хотелось есть, как в детстве. Справа, за домами, возвышались могучие сосны. В их тёмном пятне дремало какое-то таинство, граничащее со спокойствием и опасностью. Вспомнил, как бродил там летом в поисках уединения, отстраняясь от гомона и кишашей пестротой суеты многочисленных туристов.

От «Прометей» побежал к броду через реку Тару, который находился в аккурат за огородами домов центральной улицы. Но до самой реки я не добрался, так как сугробы оказались слишком глубокие и дорогу к переправе никто не расчищал за ненадобностью, лишь в некоторых местах угадывались заметённая лыжня и собачьи тропы. Но лыж на мне не было, поэтому я просто выбрал место повыше, чтобы постоять и посмотреть издали на небольшой пятачок в тальнике на том берегу реки. Именно там я останавливался каждый раз, когда приезжал в эти места на летний отдых.

Вглядываясь вдаль, я надеялся увидеть свой костёр и старенькую оранжевую палатку, прослужившую мне кровом не один сезон, но вместо этого увидел лишь взлетевшую из серых кустов птицу. Чувство холода отстранило летние воспоминания, но снова бежать не хотелось, хотелось одеться и всё-таки сходить на тот берег. Я принялся вспоминать, как я вообще попал в Окунёво, где мог остановиться и где мне искать свою одежду? Долго напрягаться не пришлось, вспомнил, что сюда привезли меня родители, посчитав, что мне будет приятно побывать в

этих краях перед отсидкой в местах не столь отдалённых. Сами же они уехали восвояси. Вспомнил, что одежда в Ашраме, куда я и отправился, совершенно не торопясь.

В зелёном доме, расписанном индуистской символикой и мантрами, меня встретили приветливые университетские тётки. Пока я одевался в прихожей, они, улыбаясь, расспрашивали о полученных впечатлениях от прогулки голышом, при этом всячески старались изобразить очень давнее и близкое знакомство со мной, хотя по глазам было видно, что они совершенно меня не знают, а если и знают, то не помнят. Тем не менее я принял их правила игры, весьма непринуждённо улыбаясь и отшучиваясь. Мы прошли в большую комнату, где раньше, как я помню, происходили кришнаитские песнопения, но теперь по каким-то причинам в самом её центре стоял длинный полированный стол, а на нём – моя походная железная кружка. Увидев её, я снова вспомнил про костёр на берегу реки и, вежливо уклоняясь от уговоров остаться на чаепитие, взял свою кружку, накинул куртку и вышел.

По пути к месту летней стоянки встретилась шумная компания детворы с санками; судя по количеству снега на их одежде, они уже возвращались с горки, нарушая чарующую тишину звонкими весёлыми голосами. Где-то в глубине я надеялся, что неожиданно встречу кого-нибудь из знакомых, как это обычно бывает в Окунёво, но не встретил.

Костёр получился сказочным. Площадку для него я сделал в форме чаши диаметром метра три, а утрамбованные снежные стенки служили своего рода диванной спинкой, так что сидеть у костра было очень комфортно и совершенно не холодно. Осталось только заварить чаёк. В кружке уже закипала вода из топлёного снега. Воспользовавшись моментом, позвонил другу Михаилу, чтобы поделиться с ним впечатлениями и от прогулки голышом, от таёжного таинства и от парящей снежной чаши с костром на берегу замёрзшей реки. Смеркалось, начали появляться первые звёзды. Улёгшись на бок у костра, я пошвыркивал крепким чаем с дымком.

– Благодать, – то ли подумал, то ли вслух сказал.

Закрыл глаза, перенёсся на то место, откуда смотрел сюда днём. Дым и пар из «чаши» подсвечивались костром, образуя некий мистический ореол. Силуэт лежащего человека еле угадывался.

– И отсюда благодать.

Снова закрыл глаза, переместился к костру и, ощутив тепло, засыпая, проснулся.